

Журнал и сцена —
2002. — июль (№ 6) —
416.

Легко ли остаться молодым?

Андрей ШЕМЯКИН

23 июня 1992 года погиб режиссер, оператор, социальный мыслитель огромного масштаба Юрис Подниекс. Обстоятельства его смерти до сих пор полностью не прояснились. После событий в Риге 22 января того же года, когда погибли два его оператора, Юрису сказали: жаль, что не погиб ты. Латвии нужны свои национальные герои. Подниекс ответил: «Сначала я человек, а потом — латыш».

Прошло много лет, но я до сих пор вспоминаю эту фразу, записанную и опубликованную журналисткой «ЛГ» Татьяной Фаст, за что ей огромное спасибо.

10 лет без Юриса — это срок только для тех, кто его помнит и любит. Столько было потерь — их уже и не считают. Как на войне. Неузнаваемо изменился интеллектуальный пейзаж бывшего СССР. Государственная пропаганда братских стран, включая Россию, как и положено, твердит о приближающемся «расцвете культуры», освобожденной от бремени имперского тоталитаризма. Но из упадка расцвет не происходил никогда. А упадку лет много. Необходимо, как говорят, переходный, промежуточный период. Надо подождать, уверяют, и все образуется (о, это замечательное словцо Стивы Облонского!). И уже почти уговорили, как уговаривают женщину пойти на сближение. Юрис, его фильмы, его мысли, воплощенные в фильмах, — из разряда тех больших (и немногих) явлений последней четверти века, память о которых мешает «уговориться». И он принадлежит всем. Может быть, в особенности тем, кто не боится соотносить себя с Россией, ее исторической судьбой.

Пока все разбежалось по своим национальным «квартирам» (еще одно изобретение постсоветского новояза), Юрис, ни на кого не оглядываясь, снимал живую историю, историю не только освобождения, но и высвобождения огромной энергии, ставшей энергией распада, как очередную фазу превращения государства — Левиафана во имя самосохранения последнего. Конечно, он снимал прекрасные лица людей — он умел их выбирать, как никто, — людей, боровшихся за свою свободу, романтически мечтавших о ней и пошедших, как они думали, в последний, решительный. Но история может окончиться только в очередной утопии. А если хочешь жить в истории, приходится брать ответственность за будущее, а не только участвовать в борьбе с «проклятым прошлым». Прошлое проклинают только революционеры, им не терпится в новый рай. Люди истории думают о том, как выбраться из исторического тупика, в который попали все жители СССР.

Юрис сохранил ощущение масштаба огромной страны, как многие, но, в отличие от них, понимал и масштаб происходящего. Наши муть и гнусь не мешали ему видеть

целое. И вот в этом, на мой взгляд, он, во-первых, намного опередил свое время, а во-вторых, сохранил изначальную трезвость взгляда на происходящее. В том, что некоторое время назад началось отрезвление, которое по определению противостоит любому экстремизму, есть и немалая заслуга Подниекса. Но отрезвление это идет сей-

час под знаком реставрации советских порядков — не де-юре, но де-факто. Номенклатура, как и предупреждал Солженицын еще в начале 90-х, получила сейчас такую власть, какой у нее не было даже во времена Сталина.

Интеллигенция потеряла все, что имела, и главное — кредит общественного доверия. Воцарилась, как говори-

ли мыслители прошлого века после событий 1905 года, реакция. Свято место пусто не бывает. Пришло время доморощенных пророков, кликуш и авантюристов.

Но Юрис снимал свои фильмы, словно предвидя, что когда-нибудь снова возникнет потребность в прямом слове, в личном высказывании, оно должно будет ответить на но-

вую ситуацию, ситуацию сопротивления распаду и расщеплению. Тогда настанет время и для его фильмов — он сумел уже в начальной фазе освобождения ценой распада увидеть это сопротивление «духу времени».

Два года назад, в декабре, в посольстве Латвии отмечали пятидесятилетие Юриса. Вспоминали «Легко ли быть молодым», сенсационный успех его фильма. Ссылались на его ранние работы, в том числе блестящую анатомию художнического конформизма «Катит Сизиф камень». Выясняли его вклад как оператора в шедевр Герца Франка «Старше на десять минут» — сам Герц Вульфович написал в своих воспоминаниях, что без Юриса картина вряд ли бы состоялась. Было здорово — тепло, интересно, живо, никакого кумиротворчества. Но только Петр Вайль сказал о масштабе таланта — как ведения мира. Он назвал Юриса последним эпиком столетия, и сравнил его с Эйзенштейном, удивившись, что в конце века, «в эпоху постмодернизма», появился художник с таким зрением. Конечно, тут сыграл свою роль своеобразный «рижский патриотизм», благо оба режиссера родом из Риги, одной из признанных столиц неигрового кино. Но штука в том, что настоящий художник сам творит свои законы, а мы уже потом гадаем, что у него вышло и что он успел сказать сам.

Когда я делал телепередачу о нем — к десятилетию событий в Вильнюсе и Риге, после которых стало очевидно, что единой страны больше нет, я вдруг понял, что в те годы, на переломе от 80-х к 90-м, никто из моих друзей-документалистов, кроме Юриса, и может быть, Сергея Мирошниченко, боюсь, не догадывался, что неясное хорошее в новых временах будет почти задавлено очевидным плохим. Поэтому, если раньше фильмы Юриса несли предупреждение, к сожалению, до конца не услышанное, то теперь, я думаю, в них имеет смысл увидеть еще не иссякшую — тогда — надежду.

Он обретал эту надежду в истории, а не в утопии, он верил в то, что воля к свободе победит соблазны разгула, он умел отделить, извините, святое народное негодование от провокаций. То, что его наследие выражено в фильмах, думаю, не помешает в будущем оценить его, скажу еще раз, как социального мыслителя. В истории еще не было опыта демонтажа тоталитарной империи, очень важны любые свидетельства о том, что происходит здесь и сейчас. Они еще будут осмыслены. Юрис первым соединил запечатлевание происходящего с его осмыслением. Его фильмы несут долгое дыхание и рассчитаны на длительное вглядывание и постижение.

Пора, мне кажется, начинать эту работу.

Юрис свою сделал.

Но почему, когда думаешь о нем, до сих пор больно?

Поршнев Юрис

(№ 6) 07.02